

—

XII.

Гу Сьюань всегда сохранял холодный и невозмутимый вид. Поэтому, что бы он ни говорил, это всегда звучало серьезно и убедительно, ни капли не походя на шутку.

Однако в этот момент окружающие зеваки не выдержали и начали прыскать со смеху. Ван Сюй и вовсе расхохотался так, что ему пришлось прикрывать рот веером, выглядя при этом юным и бесшабашным. Се Чаньюэ тоже слегка приподнял уголки губ.

Он знал, что Гу Сьюань не любит многословить, но это было лишь потому, что он презирал пустые споры или ленился тратить силы. Если же он брался за дело всерьез, то «проглатывать обиду молча» приходилось уже его оппонентам. Даже сам Чаньюэ частенько оказывался в тупике после его метких замечаний.

«Дон... Дон...» — гулко раздались удары барабана на городской башне. Наступила полночь. У реки Юндин в последний раз взлетели в небо фейерверки. Смех в башне Тяньюнь стих, все взгляды обратились к ночному небу — зрелище было неопишуемой красоты, и больше никого не волновали недавние нелепые разборки.

Се Чаньюэ первым подбежал к окну, а Гу Сьюань и Ван Сюй последовали за ним. В этот миг Шэнь Чанхуаню показалось, будто весь мир покинул их, оставив их троицу в изоляции. Это игнорирование было куда невыносимее недавних насмешек.

Когда ночь подошла к концу, Гу Сьюань с супругом попрощались с Ван Сюем и, взявшись за руки, вернулись в уже ставший родным переулок Юйшу.

Привратник Чэнь Сяолю знал толк в удовольствиях: хоть был лишь десятый месяц, он уже вовсю кипятил котелок с едой. Аромат разносился далеко вокруг. Увидев возвращающихся хозяев, он тут же поднялся из густого пара и поприветствовал их. Гу Сьюань и Се Чаньюэ с улыбкой кивнули ему.

В задней части дома, за центральным залом, всё еще горел свет. Сегодня Гу Лаоэр и Му Ся тоже выходили прогуляться, и, судя по всему, вернулись они ненамного раньше молодежи.

Се Чаньюэ, не мешкая, потянул мужа в кабинет.

— Нужно скорее написать прошение о помиловании! Этот Дань Ин всё-таки из императорской родни. Я побил его сегодня, а завтра, чего доброго, придет указ о наказании.

Гу Сьюань, глядя на его встревоженный вид, поддразнил:

— Куда же делось всё то величие, с которым уездный цзюньцзюнь раздавал пощечины?

Се Чаньюэ обернулся и показал ему язык:

— Величие — ничто, жизнь — вот что важно!

Гу Сьюань присел в кресло и, прищурившись, спросил:

— Придумал, как писать?

Глаза Се Чаньюэ блеснули. Он тут же подошел к мужу и уселся к нему на колени лицом к лицу. Его тонкие белые руки, словно гибкие лианы, обвились вокруг шеи Сьюаня.

— Муж, спаси мою жизнь! Обещаю щедрую награду... — пролепетал он, не забыв при этом соблазнительно потереться о его бедра.

«Ну и демон», — подумал Гу Сьюань. Его ладонь легла на тонкую талию, но выражение лица осталось сухим. Он покачал головой:

— Не спасу. Твой кредит доверия слишком низок. Твои так называемые «награды» никогда не доходят до исполнения, так зачем мне помогать?

Се Чаньюэ вспомнил прошлую ночь, моргнул и, слегка покраснев, продолжил ластиться:

— Ну как ты можешь так говорить о своем любимом супруге? Я всего лишь хрупкий гер, а ты — истинный благородный муж. Тебе не пристало со мной мелочиться.

Гу Сьюань был непоколебим.

— В таком случае, я — притворный благородный муж.

— ... — Се Чаньюэ замолчал.

«Разве можно так самого себя очернять?»

Он хмурился и размышлял довольно долго, пока наконец с пунцовыми ушами не прильнул к самому уху Гу Сьюаня, прошептал:

— Тогда... в следующий раз я буду сверху... я всё сделаю сам...

Гу Сьюань прищурился. Се Чаньюэ, видя, что тот всё еще холоден, окончательно пал духом и жалобно протянул:

— И так не пойдет? Ну ладно, пойду писать сам... А ты... не забудь завтра прийти к дворцовым воротам, чтобы забрать моё тело.

С этими словами он попытался встать. Однако большая ладонь на талии сжалась так крепко, что он не смог даже шелохнуться. Се Чаньюэ почувствовал, что надежда есть, и уставился на мужа сияющими глазами.

Гу Сьюань слегка приподнял веки:

— Чтобы ты снова не нарушил обещание, я сначала приму оплату, а потом приступлю к работе.

Сказав это, он бросил взгляд на мягкую кушетку под окном.

— ... — Се Чаньюэ сглотнул. «Я что, заигрался?»

— Это же кабинет... — выдавил он. — Священное место... Это как-то нехорошо, правда?

— Я думаю, так даже интереснее, — парировал Гу Сьюань. Его лицо оставалось бесстрастным, будто они обсуждали не плотские утехы, а государственные дела.

Если бы Се Чаньюэ жил тысячи лет спустя, он бы знал термин для описания такого поведения:

«МЭНЬСАО».

[\*Мэньсао (闷骚, mèn sāo) — так говорят о человеке, который с виду очень спокоен и тих, а внутри полон бурных чувств, которые он просто не выражает или не умеет показывать (часто имеется в виду сексуальное влечение).]

Осенний ветер прокрался в комнату, тени заплясали в свете ламп. Одна сторона — священная (книги и кисти), другая — бесстыдная.

Спустя немало времени Гу Сьюань, в растрепанной нижней рубашке, накинув поверх халат, сел за стол. Он обмакнул кисть в тушь и, почти не задумываясь, начал писать — слова лились на бумагу плавным потоком. Через мгновение он закончил и отложил кисть.

Се Чаньюэ, полулежа на кушетке и потирая поясницу, с трудом вытянул шею, пытаясь рассмотреть написанное. Гу Сьюань подошел и протянул ему листок:

— Посмотри. Есть ли какие-то вопросы?

Через минуту Се Чаньюэ бросил на мужа долгий взгляд:

— Твой стиль изложения и подбор слов... в этом ты можешь посоперничать с Шэнь Чанхуанем.

Гу Сьюань складывал бумагу в официальный конверт для прошений.

— Он может со мной сравниться? — переспросил он.

Се Чаньюэ кивнул:

— Нет, он не такой коварный, как ты.

— ... — Гу Сьюань посмотрел на него и сухо заметил: — Видимо, ты еще недостаточно устал.

На следующий день Гу Сьюань, как ни в чем не бывало, отправился в школу. Как и раньше, он упражнялся в каллиграфии и писал трактаты, не выказывая никакого беспокойства.

Ван Сюй не выдержал:

— Как ты можешь быть таким спокойным? Вчера было поздно, но, зная характер принцессы, сегодня она наверняка с самого утра во дворце. Ждет, когда Его Величество закончит утреннюю аудиенцию, чтобы ворваться в зал Циньчжэн.

Гу Сьюань небрежно ответил:

— Чаньюэ тоже отправился во дворец — заглаживать вину.

Ван Сюй усмехнулся и понизил голос:

— Хоть тот гер и противный, в его жилах течет императорская кровь. Накажут слишком строго — выйдет некрасиво, накажут слишком мягко — у императорской родни могут возникнуть претензии. Как вы решили просить прощения? Это сработает?

Гу Сьюань коротко бросил:

— Он добровольно попросил лишить его титула уездного цзюньцзюня.

— По... погоди! — Ван Сюй был в шоке. — Это же перебор! Неужели ваша семья настолько равнодушна к славе и богатству? К тому же император не согласится — он ведь только пару месяцев назад даровал титул. Это же всё равно что ударить самого себя по лицу.

Гу Сыюань лениво взглянул на него:

— Это лишь маневр: отступить, чтобы победить. Как ты думаешь, зачем я вчера расспрашивал тебя о причинах, по которым Дань Ин придирается? Просто смотри, что будет дальше.

С этими словами он снова склонился над бумагой. Ван Сюй промолчал, чувствуя, что переходить дорогу этому человеку — себе дороже.

Хотя на словах всё казалось простым, сердца людей изменчивы. После занятий в полдень Гу Сыюань почти бегом направился к переулку Юйшу. У самых ворот дома он увидел, как Се Чаньюэ вместе с родителями провожают человека, одетого как евнух.

Заметив мужа, Се Чаньюэ тут же представил гостя:

— Это евнух Чжоу из дворца императрицы.

Гу Сыюань сложил руки:

— Почтение вам, евнух Чжоу.

Старое лицо евнуха расплылось в улыбке, словно хризантема:

— И впрямь выдающийся талант, неудивительно, что государь так его ценит. Уездный цзюньцзюнь, не нужно больше провожать. Старый раб откланивается, нужно спешить к императрице с докладом.

Когда евнух и гвардейцы скрылись из виду, семья вернулась в дом. Только сейчас Гу Лаоэр и Му Ся узнали, сколько всего произошло вчера, пока их не было, и что дети умудрились задеть принцессу. Гу Сыюань и Се Чаньюэ поспешили их успокоить. Спустя время старики немного пришли в себя и с большим интересом принялись разглядывать дары от императрицы.

Гу Сыюань отвел Се Чаньюэ в сторону и расспросил о визите во дворец. Тот обхватил руку мужа и с гордостью затараторил:

— Всё прошло в точности так, как ты и предсказывал! Сначала император, услышав, что я ударил Дань Ина, был в ярости. Но потом, когда я сделал всё по твоему наставлению, он сурово отчитал принцессу и Дань Ина!

Утром, после ухода Гу Сыюаня, Се Чаньюэ взял прошение об отставке, печать и патент на титул и отправился к дворцовым воротам. Стражники, услышав, что он пришел отказываться от титула, не посмели медлить — дело-то серьезное! — и тут же доложили в зал Циньчжэн.

А в это время император Юнцзя как раз выслушивал рыдания принцессы Лиян. Стоило ему закончить аудиенцию с чиновниками, как ему доложили о визите сестры, что сразу испортило ему настроение. Однако, поскольку чиновники еще не успели покинуть дворцовую площадь, слушать её вопли было нельзя, и он впустил её. И вот она начала причитать, что её сына побили.

Поначалу Юнцзя подумал, что побили её старшего сына-оболтуса Дань Сюна, и не придал этому значения — мол, опять Ван Сюй или кто-то из лихих парней проучил хулигана.

Услышав объяснения сестры, император узнал, что побитым оказался её гер Дань Ин, и всё из-за какой-то словесной перепалки: этот Чанмин-цзюньцзюнь посмел прилюдно отвесить ему пощечину.

Император Юнцзя рассердился. Как бы ни раздражала его старшая сестра, в жилах Дань Ина текла императорская кровь, он был его племянником. Публично избить члена правящей династии — это ли не вызов самому императору?

В этот момент у дверей зала послышался шум. Евнух Лю, стоявший подле трона, громко спросил:

— В чем дело?

Стражник так же громко ответил:

— Докладываю Его Величеству: Чанмин-цзюньцзюнь прибыл во дворец просить прощения за свою вину.

Император Юнцзя холодно усмехнулся:

— Заговори о Цао Цао, и Цао Цао придет\*. Впустить.

[\*«Сказать о Цао Цао, и Цао Цао придет» китайский аналог поговорки «легко на помине».]

Се Чаньюэ, следуя за стражником, вошел в зал и тут же, весь дрожа, пал на колени. Срываясь на плач, он запричитал:

— Ваше Величество, Ваше Величество, пощадите! Ваш ничтожный слуга заслуживает смерти, тысячу смертей! Прошу вас, примите мой отказ от титула цзюньцзюня!

Император опешил. Он-то ожидал увидеть дерзкого наглеца, раз тот посмел поднять руку на его племянника. Как этот трусишка, дрожащий словно лист, вообще на такое решился?

Принцесса Лиян, услышав это, торжествующе взглянула на Се Чаньюэ:

— Хм, теперь-то ты понял, каково это — переходить мне дорогу!

Се Чаньюэ мгновенно вцепился в её рукав, рыдая навзрыд:

— Я осознал свою вину, старшая принцесса! Клянусь, я совершил это в неведении! Я не знал, что он ваш сын, иначе, как бы он меня ни оскорблял, я бы и пикнуть не посмел... Принцесса, пощадите, сохраните мне жизнь!..

Лиян с силой оттолкнула его, злобно ухмыляясь:

— Пощадить? Размечтался!

Но Се Чаньюэ продолжал отчаянно молить:

— Я правда не знал! Принцесса, пощадите меня...

Император Юнцзя, наблюдая за этой сценой сверху, прищурился:

— Вы за кого меня принимаете? Здесь вам что, базарная площадь? Вы еще помните о моем присутствии?

Принцесса Лиян побледнела и поспешно склонила голову:

— Простите мою несдержанность, брат-император.

— Ваш слуга заслуживает смерти, — Се Чаньюэ тут же перестал рыдать, но продолжал смотреть на принцессу с нескрываемым ужасом и мольбой.

Император бросил взгляд на вещи в руках Чаньюэ и сухо спросил:

— Это твое прошение о помиловании?

Се Чаньюэ поспешно ответил:

— Да.

— Подать сюда.

Евнух Лю спустился, принял свиток обеими руками и поднес государю. Юнцзя развернул прошение и внезапно замер. Евнух Лю и принцесса тихонько позвали его:

— Ваше Величество?

Император пришел в себя и продолжил чтение.

Это короткое прошение, в котором не было и сотни слов, император держал в руках непривычно долго. Наконец он опустил бумагу и посмотрел на Се Чаньюэ:

— Ты признаешь свою вину?

Се Чаньюэ снова ударил лбом об пол, трепеща:

— Признаю! Я, человек низкого звания, посмел проявить неуважение к молодому господину Даню. Я заслуживаю смерти и не достоин титула цзюньцзюня. Прошу вас, Ваше Величество...

Однако император оборвал его на полуслове:

— Ну и смелость же у тебя!

В порыве гнева он по привычке хотел швырнуть свиток на пол, но, взглянув на каллиграфию, заколебался и в итоге просто бросил его на драконий стол.

Принцесса Лиян не заметила этой мимолетной заминки. Услышав слова императора, она обрадовалась и ядовито добавила:

— Этот ничтожный человек совсем обнаглел, раз поднял руку на императорскую родню! Прошу Ваше Величество сурово наказать его, дабы восстановить величие нашей семьи!

Се Чаньюэ тут же жалко поддакнул:

— Да, старшая принцесса права. Я виноват, я осознал ошибку. Молодой господин Дань — сын

принцессы, особа высокого ранга. Я готов уступить ему свой титул цзюньцзюня, лишь бы принцесса сохранила мне жизнь.

При этих словах Лиян опешила, а затем усмехнулась:

— Хм... А ты, оказывается, сообразительный.

Император Юнцзя, вспомнив содержание прошения и одну старую историю, спросил Се Чаньюэ:

— Твой титул — это мое слово, которое тверже золота. Как ты можешь так легко от него отказываться? И отдавать его Дань Ину — ты что, думаешь, это кочан капусты?

Се Чаньюэ побледнел еще сильнее, будто не зная, что делать. Он снова схватил принцессу за рукав:

— Старшая принцесса, как же быть? Пощадите...

Император, наблюдая за их манерами и речами, окончательно в чем-то удостоверился. Взгляд его потемнел. Он снова спросил Се Чаньюэ:

— У тебя и Дань Ина правда раньше не было вражды?

Се Чаньюэ поклонился:

— Я человек незнатный. До этого дня у меня даже не было возможности встретиться с молодым господином Данем, о каких спорах может идти речь?

Принцесса Лиян бросила на него свирепый взгляд:

— Лживые отговорки!

Но император не обратил на неё внимания. Помолчав, он произнес:

— Раз уж сын принцессы первым допустил оскорбление, а ты не знал о его статусе и совершил ошибку не по злему умыслу, то это дело...

Принцесса Лиян, поняв, что император хочет замять дело, перебила:

— Нельзя, Ваше Величество! Даже если этот негодяй правда не узнал моего сына, это лишь доказывает, что он, пользуясь титулом цзюньцзюня, тиранит простых людей! Разве это не еще большее преступление? Он недостоин титула! Прошу вас, исполните его просьбу: лишите его звания и сурово накажите!

Лицо императора мгновенно потемнело от того, что его перебили на полуслове. Евнух Лю тоже не удержался от взгляда на принцессу: «Ваше Высочество, то, что вы говорите, совершенно неразумно... Кто бы говорил о тирании...»

Император посмотрел на сестру и холодно спросил:

— Значит, твой сын совсем не виноват?

Принцесса Лиян выпрямилась:

— Инь-эр по натуре прямолинеен. Даже если он сказал пару грубостей, это не повод бить его по лицу при всех! Очевидно, что этот человек ведет себя безрассудно, прикрываясь своим титулом.

Се Чаньюэ задрожал всем телом:

— Да, это моя вина. Я не должен был поддаваться порыву, услышав насмешки и обиды молодого господина Даня в адрес моего титула... Я заслуживаю смерти и не достоин звания.

Услышав это, император рассердился так, что даже рассмеялся:

— Насмешки над твоим титулом? Похоже, Дань Ин на самом деле хотел насмеяться надо мной! Это я даровал Се Чаньюэ титул, и это я в свое время не захотел давать титул Дань Ину. Оказывается, вы, мать и сын, в глаза мне улыбаетесь, а за спиной творите что хотите!

Принцесса Лиян смертельно побледнела:

— Ваше Величество, как вы могли подумать такое? У меня и в мыслях такого не было! Дань Ин тем более не посмел бы помыслить о подобном!

Император посмотрел на неё, и тон его стал еще ледянее:

— Ты думаешь, я не вижу ваших мотивов? С чего бы твоему сыну ни с того ни с сего оскорблять человека, с которым он даже не знаком? Да потому что он завидует титулу Се Чаньюэ! Или... может, он просто от природы такой сквернослов?

— Ваше Величество! — вскрикнула принцесса.

Император прищурился, от него исходила подавляющая мощь:

— Смеешь утверждать, что это не так?

Принцесса Лиян замялась, но через мгновение снова упрямо вскинула голову:

— Ваше Величество, какова бы ни была причина, он избил члена императорской семьи! Разве он не должен быть наказан?

Император холодно усмехнулся:

— Видимо, я и впрямь слишком тебя избаловал. Мало того, что твой сын проявил неуважение ко мне и к цзюньцзюню — за это его и побить было мало. Так теперь целый Чанмин-цзюньцзюнь вынужден снимать украшения и отказываться от титула, чтобы вымолить прощение за одну пощечину! Это лишь показывает, насколько ты обнаглела в своих манерах, раз запугала всю столицу!

Принцесса была в шоке:

— Вы... вы так отчитываете родную сестру, защищая этого безродного выскочку?

Император разгневался еще сильнее:

— Выбирай выражения, принцесса! Вклад Чанмина в процветание страны не заменят и десять тысяч таких, как ты. Уходи! Я не желаю тебя сегодня видеть!

Евнух Лю, заметив, что император отвернулся, зычно провозгласил:

— Проводите принцессу отдохнуть!

— Ваше Величество... — принцесса не могла поверить своим ушам. Однако её крики становились всё тише и тише вдаль.

Император Юнцзя повернулся и снова взял прошение:

— Почерк хорош. Кто писал?

Се Чаньюэ всё так же, дрожа, ответил:

— Это... мой супруг.

Император кивнул:

— Весьма недурно.

Евнух Лю добавил:

— Тот самый ученый из Тунчжоу, что придумал «машину сыновней почтительности». Говорят, в этом году он стал Сяосаньюанем.

Глаза императора блеснули:

— Действительно, талант.

Он посмотрел на Лю:

— Сходи в сокровищницу, возьми тот набор кистей и туши и подари цзюньцзюню.

Итогом этой истории стало то, что император велел императрице издать указ и сурово отчитать Дань Ина за незнание приличий и чинов. Кроме того, к нему приставили дворцовую наставницу, чтобы она три месяца обучала его правилам поведения. В доме Дань наверняка сейчас всё вверх дном.

Гу Сьюань, выслушав рассказ супруга, не изменился в лице. Он лишь посмотрел на разложенные на столе сокровища и сухо заметил:

— Ты старался, разыгрывал спектакль во дворце, а выгоду в итоге получил я.

Се Чаньюэ подлизался:

— Если бы не твой план, мне бы сейчас пришлось стоять на коленях перед Дань Ином. Уж лучше смерть, чем такое унижение.

Гу Сьюань взял его за подбородок:

— Что ж, ты оказался благодарен.

Се Чаньюэ хихикнул:

— К тому же, моё — это твоё, а твоё — это моё. Зачем нам делиться? Всё равно ночью мы увидимся очень близко.

— ... — Гу Сьюань промолчал.

Ему казалось, что после прошлой ночи его маленький супруг окончательно «потерял берега».

Днем, когда Гу Сьюань вернулся в школу, Ван Сюй посмотрел на него с восхищением:

— Я-то собирался просить тетушку-императрицу помочь, но не думал, что ты решишь всё так чисто и быстро.

Гу Сьюань мельком взглянул на него:

— Тебе и не пришлось бы просить. Если бы что-то пошло не так, Пятый принц наверняка не остался бы в стороне.

Ван Сюй развел руками:

— И то верно. Они тебя очень ценят. — В его голосе послышалась легкая досада.

А в поместье графа Суйнина Шэнь Чанхуань, услышав о наказании Дань Ина, долго не мог прийти в себя.

Почему? Почему Се Чаньюэ смог вернуться? Почему он живет так припеваючи? Неужели в этом мире вообще есть справедливость?

Он украл у него столько лет богатой жизни — разве он не должен остаток дней провести в страданиях, искупая вину? Почему всё обернулось вот так...

Он не мог с этим смириться.

Остальные столичные семьи, узнав об этом, были не на шутку поражены. Старшая принцесса Лиян — личность крайне тяжелая и скандальная; даже наложницы императора и принцы старались обходить ее стороной. Кто бы мог подумать, что она потерпит такое сокрушительное поражение от «какого-то там» Чанмин-цзюньцзюня, не имеющего реальной власти.

После этого дня в поместье цзюньцзюня, где раньше царила тишина, стало на редкость оживленно. Старые знакомые, с которыми Се Чаньюэ общался еще до отъезда из столицы, потянулись к нему один за другим, надеясь возобновить дружбу.

Се Чаньюэ не отказывал им. Гу Сьюань ежедневно уходил на учебу в школу, а у Чаньюэ в огромном поместье, кроме посадки цветов и деревьев, дел особо не было. Так что иногда выбраться куда-нибудь с ровесниками-герами и поболтать казалось ему довольно забавным.

От осеннего листопада до белоснежных сугробов — пришла зима.

В этом году семья из четырех человек встречала Новый год в столице. В деревню Хуанъян дедушке и бабушке отправили щедрые праздничные подарки.

Третьего числа двенадцатого лунного месяца снова повалил густой снег. В столице у них не было близких родственников, которых следовало бы навещать, поэтому все сидели дома, греясь у огня.

Се Чаньюэ внезапно решил «покапризничать». Нарядившись во всё ярко-красное и став похожим на праздничный фонарик, он встал под заснеженной красной сливой в саду и потребовал, чтобы Гу Сьюань написал его портрет. При этом он пафосно заявил, что муж

обязан передать его «высокую чистоту и непоколебимый дух», под стать самой сливе мэйхуа.

— ... — Гу Сьюань промолчал.

«Ты — маленький демон, и к высокой чистоте не имеешь никакого отношения».

Однако, вспомнив о весьма гармоничной в последнее время интимной жизни, Сьюань решил потакать временному сумасбродству своего супруга.

Когда работа была закончена, Се Чаньюэ долго разглядывал картину. На ней была изображена холодная, благородная слива и... он сам, ослепительно яркий, словно пламя, с невероятно притягательной и томной аурой. Возникло странное ощущение несоответствия. Но портрет был бесспорно хорош — в нем чувствовалась красота острого противоречия.

Даже Гу Лаоэр и Му Ся, не разбиравшиеся в искусстве, с первого взгляда узнали Чаньюэ и в один голос похвалили картину.

Подумав, Се Чаньюэ повесил её в кабинете. Если спустя века потомки решат, что темперамент человека на портрете не совпадает с характером цветов и объявят картину подделкой — что ж, это уже будут не его проблемы.

Мирное праздничное время пролетело незаметно.

Когда двери школы снова открылись, среди новых учеников оказался Гу Чжэнь.

Еще в прошлом году Гу Чжэнь и Гу Сьюань вместе сдавали экзамен в префектуре. Хотя его место было ниже, он вошел в первую десятку и имел полное право поступить в академию Шунтянь. Неясно почему он не сделал этого раньше, но теперь он внезапно явился.

Гу Сьюань подозревал, что тут не обошлось без Шэнь Чанхуаня — только у того была возможность заставить Гу Чжэня плясать под свою дудку. И это при том, что Чанхуань уже вышел замуж за Сяо Цзинчуаня.

Увидев Гу Сьюаня, Гу Чжэнь изменился в лице. Невыносимо смотреть на того, кто больше десяти лет был хуже тебя, а теперь внезапно оставил тебя далеко позади. Если бы не настойчивое требование Шэнь Чанхуаня, он бы и в жизни не согласился находиться с Гу Сьюанем в одном пространстве.

Возможно, Гу Чжэнь намеренно избегал встреч, так что в академии они почти не пересекались. Но тайно каждое слово и каждый шаг Гу Чжэня ложились на стол Гу Сьюаню. Прибыв в столицу, тот специально обучил группу людей для слежки.

Гу Чжэнь был его ближайшим родственником — двоюродным братом. Любая его серьезная ошибка могла ударить по Гу Сьюаню, особенно если речь шла о таких статьях, как государственная измена или мятеж.

Гу Сьюань не хотел давать врагам такой козырь. Сейчас его статус был недостаточно высок, чтобы на равных вести переговоры с Пятым принцем или семьей Ван. Он ждал. Терпеливо ждал шанса, который вот-вот должен был представиться.

В тот год в императорском дворе тоже было беспокойно. После начала осени император Юнцзя тяжело заболел, что заставило всю столицу замереть в напряжении. Однако мастерство лекарей оказалось на высоте: с наступлением тепла император полностью оправился.

И вот снова весна. Закончился очередной этап экзаменов — Хуэйши (столичный экзамен).

Прошлой осенью Гу Сьюань вместе с Ван Сюем и Гу Чжэнем участвовал в провинциальном экзамене (Сянши). Без сюрпризов он снова занял первое место. Победитель Сянши называется Цзеюань. К осени прошлого года на счету Сьюаня было уже четыре первых места подряд — Ляньчжу сьюань.

В третьем месяце этого года он, разумеется, пошел на Хуэйши.

Император Юнцзя после болезни стал еще строже следить за государственными делами, словно пытаясь ухватить ускользающее время. Сейчас он сидел в зале Циньчжэн, просматривая несколько лучших работ, отобранных Министерством обрядов.

Спустя время он отложил свитки и посмотрел на Первого министра и главу Министерства обрядов:

— Значит, вы все единогласно выбрали этого человека первым? Раз так — вывешивайте список!

В день оглашения результатов Се Чаньюэ загодя притащил Гу Сьюаня к воротам Министерства. На этот раз ему не пришлось толкаться в толпе. Как только красную ткань сорвали со стенда, в толпе послышались выкрики:

— Кто первый? Кто стал Хуэйюанем (□□)?

— Гу Ян! Снова Гу Ян! Пять первых мест подряд!

— Точно Гу Ян! Я выиграл на ставках!

Все это были люди, которые сделали ставку на то, что Гу Сьюань станет лучшим учеником на императорских экзаменах; их результаты волновали даже больше, чем его самого, непосредственно участвовавшего в этом процессе.

Хотя Се Чаньюэ уже привык к победам мужа, он всё равно от радости запрыгнул на него:

— Муж, ты невероятный!

Гу Сьюань обнял его и легонько похлопал по спине, позволив себе редкую улыбку.

Теперь всё было практически решено. Если только император не дурак, он с удовольствием поспособствует великому событию — появлению Лююаня (□□) — человека, занявшего первые места на всех шести ступенях экзаменов.

«Три первых места (Саньюань) встречаются в мире, а шесть (Лююань) — единственные под небесами».

Появление такого гения в эпоху Юнцзя принесло бы славу самому императору.

Гу Чжэнь стоял поодаль. Он бросил на Гу Сьюаня тяжелый взгляд и молча ушел. Он тоже прошел в список — и этого было достаточно. Главное — попасть на финальный дворцовый экзамен (Дяньши), где уже никого не отсеивают, а лишь распределяют места.

Экзамены — это лишь начало карьеры, а не её конец.

«Хм, посмотрим, кто из нас в итоге уйдет дальше».

Месяц спустя начался Дяньши. Темы задавал лично император Юнцзя, он же выступал главным экзаменатором.

К этому времени император уже хорошо знал имя Гу Яна. Не только из-за его чуда с пятью победами, но и благодаря его каллиграфии, которая не уступала древним мастерам. Сам император был страстным ценителем красивого письма.

Едва экзамен начался, Юнцзя без лишних слов встал и подошел прямо к столу Гу Яна.

Гу Сьюань не чувствовал никакого давления. С самого начала, еще с уездных экзаменов, он всегда сидел на первых местах под пристальным надзором комиссий. Теперь, будь рядом с ним хоть сам император, хоть дышащая горилла — ему было всё равно.

Примерно половину экзамена император провел рядом с ним, не в силах оторвать взгляд от письма, и лишь затем обошел остальной зал и вернулся на трон.

— ... — остальные министры-экзаменаторы лишь обменивались взглядами.

«Ваше Величество, вы уж слишком явно показываете свои симпатии».

Три дня спустя были объявлены результаты. Тройку лучших объявляли чиновники Министерства обрядов:

— Первая категория, первое место! Уроженец Тунчжоу — Гу Ян!

— Первая категория, первое место! Гу Ян!

— Первая категория, первое место! Гу Ян!

Голоса чиновников подхватили стражники, трижды прокричав имя на весь дворцовый комплекс. Гу Сьюань спокойно поднял голову и размеренным шагом прошел вперед. Он остановился прямо перед изображением головы гигантской рыбы-ао на ступенях императорской лестницы. Это и называлось — «единолично занять голову Ао» (стать лучшим из лучших).

Затем объявили Банъяня (второе место) и Таньхуа (третье место). Таньхуа в этом году стал Ван Сюй. Трое победителей в красных мантиях и шапках с перьями выехали верхом из ворот Чэнтянь. Им предстояло проехать через всю столицу, под град цветов и расшитых мешочков с благовониями, которыми их закидывали горожане.

Особенно досталось Гу Сьюаню: не только девушки и геры, но и дети пытались прикоснуться к нему, чтобы «поймать удачу и мудрость» редчайшего в истории Шестикратного чемпиона — Лююань чжуаньюаня.

Когда он вернулся домой, от его всегдашней безупречности и холодного лоска не осталось и следа — он был весь в лепестках и пуху.

Се Чаньюэ сначала вдоволь посмеялся над его видом, а потом притворно надулся:

— Хм-хм, господин Чжуаньюань сегодня был так величествен! Столько барышень и геров мечтают за вас выйти!

Сьюань ущипнул его за щеку:

— Опять твоя ревность. Ревность — один из семи поводов для развода.

Се Чаньюэ не унимался, притворно хныча:

— Ну вот, я так и знал! Ты уже заговорил о разводе, значит, я тебе надоел...

Сьюань вздохнул и усадил его к себе на колени:

— Не о чем беспокоиться. Ты — уездный цзюньцзюнь, а я — всего лишь обычный Чжуаньюань\*. Даже в академии Ханьлинь я получу лишь шестой ранг. Мне не выбраться из твоих лапок.

[\*Чжуаньюань (卞, zhuànguān), дословно: «образец для подражания во всём государстве», цзиньши — обладатель лучшего результата среди получивших первую степень.]

Чаньюэ сверкнул глазами:

— Это сейчас! А когда ты станешь великим министром или графом, ты точно меня бросишь...

— ... — Гу Сьюань замолчал.

«Какая мощная логика».

Видя его молчание, Се Чаньюэ снова «завелся»:

— Ага! Ты замаялся! Ты сомневаешься! Я так и знал, что мужчинам нельзя доверять!

Гу Сьюань взял его за подбородок и тихо сказал:

— Не капризничай. Будь паинькой.

— ...Ну ладно, — протянул Чаньюэ. Стоило Гу Сьюаню заговорить серьезно, как он тут же смирялся.

Видя его послушание, сердце Гу Сьюаня смягчилось, и он добавил:

— Не волнуйся. У нас всё распределено поровну: я ем «мягкую пищу» (живу за твой счет), а ты — «жесткую».

Се Чаньюэ остался доволен, но для вида хмыкнул:

— Кто это сказал, что я люблю жесткое?

Тон Гу Сьюаня стал еще спокойнее:

— А кто сказал, что её едят верхним ртом?

—